

Семантика и функционально-синтаксические свойства местоимений в современном эрзянском языке

Водясова Любовь Петровна

доктор филологических наук

профессор, кафедра родного языка и литературы, ФБГОУ ВО «Мордовский государственный педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»

430033, Россия, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Волгоградская, 106 /1

✉ LVodjasova@yandex.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

Аннотация.

Предметом анализа в статье являются местоимения. Цель работы – описание их семантики и функционально-синтаксических свойств на материале одного из мордовских языков – эрзянского. Задачи исследования нами были определены следующим образом: 1) описать основные разряды местоимений, выявляемых на основе функционально-семантических особенностей; 2) определить их роль в языке и речи (тексте). Теоретической и методологической основой исследования послужили работы по грамматике финно-угорских, прежде всего мордовских, языков. В качестве основного метода был определен описательный. Он применяется для исследования семантики местоимений и их функционирования в определенных контекстах. Материалом для анализа послужили художественные тексты мордовских писателей. На основе проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что в эрзянском языке по семантике и функционально-синтаксическим свойствам выделяются следующие разряды местоимений – личные (собственно-личные), усилительно-личные, счетно-личные, взаимно-личные, указательные, вопросительно-относительные, определительные, возвратно-притяжательные, неопределенные, отрицательные. Свои конкретные значения слова этой части речи получают только в условиях связной речи, так как используются прежде всего в качестве средства актуализации коммуникации. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в создании предпосылок для дальнейшего изучения проблемы частей речи. Предложенный материал может быть полезен для ученых-лингвистов, а также бакалавров и магистров, обучающихся по направлению подготовки «Филология». Его целесообразно включать как в основные, так и интегративные курсы, а также использовать при выполнении научно-исследовательские проектов.

Ключевые слова: эрзянский язык, местоимение, особый класс слов, семантика, функционально-синтаксические свойства, разряд, изменение по падежам, конкретизация, субстантивация, роль в речи

DOI:

10.7256/2454-0749.2018.1.25440

Дата направления в редакцию:

12-02-2018

Дата рецензирования:

19-02-2018

Как известно, к местоимениям относятся слова, которые лишь указывают на предметы, их признаки и количество, не определяя их содержания.

Местоимения – одна из самых употребительных частей речи. А. Н. Гвоздев совершенно справедливо указывает, что они «представляют численно небольшую группу слов, но ... занимают первое место среди слов, принадлежащих к частям речи» [1, с. 282]. Во всех языках это самый древний пласт лексики, служащий для актуализации коммуникации [2, с. 5]. Конкретные значения местоимения получают только в условиях связной речи, взятые же вне контекста, имеют всеобъемлющее значение, и трудно установить, кто или что подразумевается под той или иной лексемой. Поэтому местоимение выделяется в особую часть речи на основе функционально-семантических особенностей, а не лексико-грамматических. Являясь особым грамматическим классом слов, местоимения не имеют своих морфологических признаков, а заимствуют их у тех частей речи, с которыми соотносятся в процессе речи.

В мордовском языкознании местоимение, безусловно, не раз становилось объектом лингвистических исследований, однако по сравнению с другими частями речи изучалось значительно меньше. Авторы имеющихся работ анализировали в основном такие вопросы, как семантика отдельных местоимений, их соотношение с другими частями речи, синтаксические позиции, вопросы перехода (проминализации) слов других частей речи в разряд местоимений и нек. др. Наиболее обширное исследование этой части речи было сделано в свое время известным финно-угроведом К. Е. Майтинской, опубликовавшей в 1964 г. монографию «Местоимения в мордовских и марийских языках» [3]. Из исследований последних лет, посвященных рассмотрению различных аспектов местоимения, стоит прежде всего назвать труды Л. А. Гурьяновой [4] и Г. А. Митюниной [5]. Характеристика местоимениям дается в различных учебниках и учебных пособиях [6–8 и др.]. Их синтаксическим свойствам уделяется внимание в учебнике по синтаксису [9]. Об особенностях употребления местоимений в диалектах мордовских языков говорят Н. А. Агафонова и И. Н. Рябов [2], М. З. Левина и В. П. Гришунина [10]. Отдельные аспекты проблемы, прежде всего анализ текстообразующей роли местоимений, нашли отражение и в наших работах [11–13 и др.].

Целью нашего исследования является рассмотрение семантики и функционально-синтаксических свойств местоимений на материале одного из мордовских языков – эрзянского.

Прежде всего, отметим, что по семантике и функционально-синтаксическим свойствам эрзянские местоимения образуют несколько разрядов – личные (собственно-личные), усилительно-личные, счетно-личные, взаимно-личные, указательные, вопросительно-относительные, определительные, неопределенные, отрицательные, возвратно-притяжательные.

К **собственно-личным местоимениям** относятся **мон** «я», **минь** «мы» (1-ое лицо), **тон** «ты», **тынь** «вы» (2-ое лицо), **сон** «он / она / оно», **сынь** «они» (3-е лицо). Они выражают различную степень участия лиц или упоминаемых предметов в речи. Так, местоимение **мон** «я» указывает на лицо говорящего: – **Мон** тескень эриця, оно то-осо кудом! – невтьс керш пелев, косо виресь седеяк тустоль (А. Доронин) «Я местный житель, вон та-ам мой дом! – показал на левую сторону, где лес был еще гуще»; **Мон** монськак сонзэ васенцеде неса (Никул Эркай) «Я и сам впервые его вижу». Местоимение **тон** «ты» указывает на лицо, к которому обращена речь: *Неть калтнэнь аволь тон ськамот таргсить?* (Никул Эркай) «Эти рыбины не ты ли один натаскал?». Местоимение **сон** «он», «она», «оно» указывает на лицо, не участвующее в беседе, или на предмет, упоминаемый в данной речи: *Омбоце ломанень, дедай, монсь содаса. Сон ней монень тетянь таркас* (Никул Эркай) «Второго человека, дедушка, [я] сам знаю. Он теперь мне вместо отца»; **Сон** [Татьяна Сергеевна] маризе, кода нурькине шкас те ломанесь теевсь тензэ пек малавикс ялгакс («Чинь стямо») «Она [Татьяна Сергеевна] почувствовала, как за короткое время этот человек стал для нее близким другом».

Местоимения **минь** «мы», **тынь** «вы» не являются формами множественного числа от местоимений **мон** «я» и **тон** «ты». Они указывают на многих лиц. Местоимение **минь** «мы», например, обозначает группу лиц, в которую входят первое и второе лицо или лица: **Минь** сынек тей Саранскоень крепостьстэ (К. Абрамов) «Мы пришли сюда из Саранской крепости»; – **Минь** ней, Матвей Петрович, сонензэ тетянзояк, аванзояк полавтсынек, – атянтень отвечась Яков Иванович (Никул Эркай) «Мы теперь, Матвей Петрович, ему и отца, и мать заменим», – старику ответил Яков Иванович». Местоимение **тынь** «вы» указывает на двух или более (множество) лиц, к которым обращаются с речью: *Ванан-теян, тынь аволь пелицятнень эйстэ* (А. Щеглов) «Гляжу, вы не из пугливых». Местоимение **сынь** «они» указывает на лица, о которых идет речь, или на неопределенное количество предметов, отдаленных от говорящего: **Сынь** роботасть Вишкалеень омбо чиресэ ... («Изнямо») «Они работали на другом берегу Вишкалея ...».

Все личные местоимения в эрзянском языке изменяются по 11 падежам (номинатив, генитив, датив, аблатив, инессив, элатив, иллатив, пролатив, транслатив, компаратив, абессив), причем значения инессива, элатива, иллатива, пролатива, компаратива и транслатива часто выражаются сочетанием личного местоимения (в форме генитива) и послелого или прономинализированным послелогом с посессивным суффиксом. Формы типа: **монь эйсэ – эйсэнь** «во мне», **монь эзга – эзган** «по мне», **монь эйшка – эйшкан** «величиной с меня», **тонь ладсо – ладсот** «как ты», **сонзэ перька – перьканзо** «вокруг него / нее», **минек икеле – икеленек** «перед нами» и пр. – являются синонимичными: **Перьканзо (= сонзэ перька)** [*сакало марто кежей ломанень*] *аштеть певтеме истят жо сакалов ломанть ...* (А. Щеглов) «Вокруг него [сердитого человека с бородой] стояло множество таких же бородатых людей ...»; ... *простян мартост (= сынст марто) ломанькс* (А. Куторкин) «... попрощаюсь с ними по-человечески». В дативе, кроме основных, употребительны параллельные формы: **монень – тень** «мне»; **тонеть – теть** «тебе»; **сонензэ – тензэ** «ему», **миненек – тенек** «нам»; **тыненьк – тенк** «вам»; **сыненьст – тенст** «им»: *Саша мельспаросо варштась ялганзо лангс. Сельмесэнзэ кенярксов сяткинетнень коряс чарькодевсь, кода вечкевсть тензэ Витянь валтнэ* (Т. Разгуляева) «Саша с удовольствием посмотрела на друга. По радостным искоркам в глазах было понятно, как [ей] понравились слова Вити». Основой образования параллельной формы является послеложная основа *те-//тей* [14, с. 308].

Синтаксические функции личных местоимений всех трех лиц одинаковы. В предложении они обычно выступают в роли подлежащего или дополнения. Часто сопровождаются

обособленными приложениями, которые раскрывают их семантику: **Сонзэ, Захаронь, туртов весе мирэсь-эрямось ульнесь Наймансонть** (К. Абрамов) «Для него, Захара, весь мир-вся жизнь была в Найманах». Могут употребляться после именительного представления, не просто подчеркивая, а усиливая смысловую роль предшествующего имени существительного: **Часия ... Сон истямо сюльмо – юксят, юксят эйсэнзэ – пензэ а сеске мусак** (А. Арапов) «Счастье ... Оно такой узел – распутываешь, распутываешь его – конец не сразу найдешь».

Личные местоимения широко используются в различных стилистических целях. Так, например, **минь** «мы» может быть употреблено в значении **мон** «я»: *Ого, веселатадо тынь ломантне! – васенцеде мизолдозевсь сакаловось. – Минь истятнэнь вечксынек* (А. Щеглов) «– Ого, веселые вы люди! – впервые заулыбался бородатый. – Мы таких любим» (**минь** «мы» здесь употреблено вместо **мон** «я»). **Минь** «мы» употребляется и в обращении к собеседнику вместо **тон** «ты» или **тынь** «вы», а также может служить для выражения совместности действия или сопереживания с кем-либо. Такое **минь** наделено экспрессией интимности и известной фамильярности: *Ванта, минь уш пеедтяно* «Смотри-ка, мы уже и смеемся» (**минь** «мы» здесь употреблено вместо **тон** «ты»).

Местоимение 2-го лица множественного числа **тынь** «вы» может представлять собой форму вежливости при обращении и другому лицу (в отличие от русского языка, где *Вы* в этом случае пишется с прописной буквы в начале, в эрзянском использование прописной буквы не принято): *– Тынь мекс истя а кемтядо монень, Николай Кузьмич? – обидявозь вайгельсэ кевкстсь Ега* (А. Щеглов) «– Вы почему так не верите мне, Николай Кузьмич? – обиженным голосом спросил Ега (Егор); *– Те тынь, Михаил Григорьевич? – пшкадсь сон [Татьяна Сергеевна] виздезь ладсо. – Тынь ванодо, кодат викшневкстнэ! Зяро лембе тезэ путозь! Арась, те казненъ тынь вансто до* («Чинь стямо») «–Это Вы, Михаил Григорьевич? – обратилась она [Татьяна Сергеевна] смущенно. – Вы посмотрите, какие вышивки! Сколько тепла в них вложено! Нет, этот подарок Вы берегите». Следует отметить, что употребление **тынь** «вы» как форма вежливости – в языке достаточно позднее явление, оно возникло под влиянием русского языка, изначально в эрзянском языке **тынь** «вы» означало только два лица или более двух лиц, к которым обращаются с речью.

К **усилительно-личным местоимениям** относятся **монсь** «я сам (-а, -о)», **тонсь** «ты сам (-а, -о)», **сонсь** «он сам / она сама / оно само», **минсь** «мы сами», **тынсь** «вы сами», **сынсь** «они сами». Этот разряд местоимений образуется при помощи суффикса *-сь*, присоединенного непосредственно к основам личных местоимений. Суффикс является средством усиления указания на лицо, совершившее или совершающее действие: *– Тонсь чарькодть: эйкакштненень тетя эряви* (К. Абрамов) «– Ты сам пойми: детям отец нужен». И личные, и усилительно-личные местоимения часто употребляются с усилительной частицей *-гак/-как*, привносящей значение совокупности: *Монгак мартот сырган* (К. Абрамов) «И я с тобой тронусь»; *Тоня сонськак эзь чарькоде, мезе тензэ бажась евтамс церась* («Изнямо») «Тоня и сама не поняла, что хотел ей сказать парень». Для большего выделения лица, совершающего действие, усилительно-личные местоимения могут употребляться совместно с собственно-личными: *А ванды тон уш тей иля капша, мон монсь прядса сокамонтъ* («Изнямо») «А завтра ты уж сюда не торопись, я сам закончу пахоту».

Усилительно-личные местоимения изменяются по шести падежам (номинатив, генитив, датив, аблатив, компаратив, абессив), в предложении выполняют роль подлежащего или дополнения. Значения остальных падежей передаются формой генитива с соответствующим послелогом: **монсень эйсэ** «во мне самом», **монсень эйтэ** «из меня

самого», **монсень эйс** «в меня самого», **монсень эзга** «по мне самому», **минсенек эзга** «по нам самим».

Собственно-личные и усилительно-личные местоимения третьего лица **сон** «он, она, оно», **сынъ** «они», **сонсь** «он сам, она сама, оно само», **сынсь** «они сами» в форме номинатива или косвенных падежей в эрзянском языке часто используются в качестве средства связи компонентов текста при цепном (последовательном) объединении предложений. Они служат показателями сходства, тождества обозначаемого ими лица или предмета с лицом или предметом, названным именем существительным, обычно стоящим непосредственно перед этим местоимением. Цепные (последовательные) связи с собственно-личными и усилительно-личными местоимениями третьего лица по своей сущности приближаются к цепным связям, выраженным посредством лексического повтора. С синтаксической точки зрения, здесь полное тождество, так как при одинаковых структурных отношениях (например, «подлежащее – подлежащее», «подлежащее – дополнение» и т. д.) меняется лишь способ выражения этих отношений: вместо «лексического», показывающего благодаря повтору, какие члены компонентов текста соотносятся, – «местоименный», при котором местоимение, заменяющее имя предыдущего предложения, также ясно указывает соотносящиеся члены и выражает благодаря этому синтаксическую связь между ними: *Церыненть мельга лиссь Олда. Сон кепедизе авардицанть, озавтызе столь эхкс ...* (К. Абрамов) «За мальчиком вышла Олда (Евдокия). Она подняла плачущего, посадила за стол ...»; *Мельгаст чийсть ялгот. Сынъ кандсть ансяк теезь кузтематнень ...* («М. Брыжинский») «За ними бежали пешие. Они несли только что сделанные лестницы ...»; – *Тол косто-бути чии, пшкадсь Дрига. Сонсь комась вальмантень* (Т. Раптанов) «– Огонь откуда-то бежит, – сказал Дрига (Григорий). Сам он нагнулся к окну»; ... *Мезе евтыть неть нузякстнэ? Сынсь ве чияк паро ладсо эзь важде ...* («Сятко») «... Что скажут эти лентяи? Сами ни одного дня по-хорошему не работали ...». Перед нами теснейшая связь между компонентами текста, создаваемая их структурной соотнесенностью («подлежащее – подлежащее») и получающая выражение посредством собственно-личных местоимений третьего лица (в первом примере – единственного, во втором – множественного числа) в форме номинатива и усилительно-личных местоимений третьего лица (в третьем примере – единственного, в четвертом – множественного числа).

В разряд **счетно-личных местоимений** с собирательно-ограничительным значением включаются слова **ськамон** «я один / одна», **ськамот** «ты один / одна», **ськамонзо** «он один / она одна / оно одно», **ськамонок** «мы одни», **ськамонк** «вы одни», **ськамоств** «они одни». Они всегда содержат посессивные суффиксы и употребляются лишь в форме номинатива: *Аламось аштинь Миколь лелянь вакссо. Аштек, келя, а то ськамон тошна* (К. Абрамов) «Постоял немного возле дяди Миколя (Николая). Побудь, говорит, а то мне одному тошно»; ... *сон минек ютксо ськамонзо, ансяк ськамонзо машты тюреме неть стакачитнень каршо* (Т. Раптанов) «... он среди нас один, только один умеет бороться против этих трудностей».

В роли **притяжательных** выступают личные и усилительно-личные местоимения в форме генитива: **монь** «мой (-я, -е, -и)», «у меня», **тонь** «твой (-я, -е, -и)», «у тебя», **сонзэ** «его / ее», «у него / у нее», **минек** «наш (-а, -е, -и)», «у нас», «нас», **тынк** «ваш (-а, -е, -и)», «у вас», «вас», **сынств** «их», «у них», **монсень** «у меня самого / самой», «мой собственный (-ая, -ое, -ые)», **тонсеть** «у тебя самого / самой», «твой собственный (-ая, -ое, -ые)», **сонсензэ** «у него», «его собственный / ее собственный». В предложении они бывают определениями, при этом, если слово сопровождается несколькими определениями, местоимение предшествует им: *Минек бригадась тусь паксяв* («Сятко»)

«Наша бригада ушла в поле»; ... *теке сырнень эрьгеть певвердсь, пейдезевсь Окся патясь. Сонзэ мирдесь чавовсь вирень керямсто, ней кирдицязо арась, мейс тензэ кельсэ а лабордомс* (А. Доронин) «... словно золотые бусы рассыпала, засмеялась тетя Окся (Аксинья). Ее муж погиб при рубке леса, теперь удерживателя у нее нет, чего языком не болтать». Притяжательные местоимения в речи легко субстантивируются, принимая суффиксы определенности единственного и множественного числа и изменяясь по падежам указательного склонения так же, как и имена существительные, и выполняя в предложении функции подлежащего или дополнения: *Вай, кодат эйкакшот сэттьметь. Монесь овсе кирдевтеме* («Сятко») «Ой, какие дети [у тебя] спокойные. Мой совсем непослушный (букв.: неудержимый)».

В разряд **возвратно-притяжательных местоимений** входит местоимение **эсь** «свой (-ая, -ое, -ие)», «собственный», «себя», используемое и в притяжательном, и в возвратном значении. В притяжательном оно указывает на принадлежность предмета субъекту и может относиться ко всем трем лицам и обоим числам. В предложении выполняет роль определения, может употребляться с посессивными суффиксами: **эсь (эсень) кудом** «мой (свой) дом», **эсь (эсенек) кудонок** «наш (свой) дом», **эсь (эсеть) кудот** «твой (свой) дом», **эсь (эсензэ) кудозо** «его (свой) дом», **эсь (эсест) кудост** «их (свой) дом»: *Эсест покш кудост вальмало аштеть-ванность братиники Шуйскойтне ...* (А. Доронин) «Перед окнами своего большого дома стояли-посматривали братья Шуйские ...». В возвратном значении **эсь** указывает на отношение субъекта к самому себе. Происходит это в том случае, когда, **эсь**, выступая самостоятельно или в сочетании со словом *пря* «голова», выполняет роль дополнения: *Теде сон вестьяк эзь корта Марянь, вестьяк эзизе ледстне тензэ те меленть – кирдсь эсь потсо* (К. Абрамов) «Об этом он ни разу не говорил Маре (Марии), никогда не вспоминал об этом – держал в себе». В косвенных падежах **эсь** употребляется в значении усилительно-личных местоимений: **эстенъ** «мне самому», **эстемензэ** «без него самого», «без самого себя».

Разряд **указательных местоимений** в эрзянском языке составляют **се** «тот», **секе** «тот же», **те** «этот», **теке** «этот же», **тона** «тот», **не** «эти», **неть** «эти», **сеть** «те», **секеть** «те же», **некеть** «эти же», **нона**, **нонатне** «те», употребляемые часто совместно с усилительной частицей *-гак/-как/-як*. Указательные местоимения точно так же, как и притяжательные, часто субстантивируются, принимая суффиксы определенности и изменяясь по падежам указательного склонения так же, как и имена существительные. Падежные морфемы присоединяются непосредственно к основе. Эти местоимения характеризуются одной общностью: являются средством указания на определенные предметы; различаются же тем, что выражают различные оттенки пространственных признаков. Так, местоимение **те** «этот», заключая в себе общее значение указания, выделяет предмет из многих других, ему однородных, и употребляется по отношению к объекту, который находится близко к говорящему; **се** «тот» указывает на отдаленный от говорящего предмет, лицо, явление: *Сюпалгадомо ды ламо ракшань раштамо [Никита] эзь кенере. Те сонзэ ацирьгавтнесь весесемеде пек* (К. Абрамов) «Разбогатеть и развести много скотины [Никита] не успел. Это его беспокоило больше всего»; *Се недлячинть самс кадновкшность кавто чить* (А. Куторкин) «До того воскресенья оставалось два дня»; *Сеяк эряви меремс: Тишай тейсь чумо* (К. Абрамов) «И то надо сказать: Тишай провинился (букв.: сделал вину)». Местоимения **не**, **неть**, **нетне** «эти» указывают на неопределенное количество предметов: *Сон [Галя] чатьмонезь вансь неть ломатнень лангс, конатнень еще исяк а содылинзе а эрямост, а лемест* (К. Абрамов) «Она [Галя] молча смотрела на этих людей, ни жизни, ни имен которых еще вчера не знала». Форма аблатива местоимений **те** «этот», **се** «тот» (**теде** «об этом», **седе** «о том») используется как частица для образования сравнительной степени качественных имен

прилагательных и наречий: *мазый* «красивый» – *седе мазый* «красивее (того)», *покш* «большой» – *седе покш* «больше (того)», *васоло* «далеко» – *седе васоло* «дальше»: *Ве пельксэнтень кадозь ансяк кудов ютамо тарка, омбоцесь седе покш* (К. Абрамов) «На одной стороне оставлено только место для прохода в дом, другая – больше»; *Тишай ильтизе Айсылунь виренть чирес. Седе васов тейтересь эзь мере молемеде* (К. Абрамов) «Тишай проводил Айсылу до края леса. Дальше девушка не разрешила идти» Местоимения *теке*, *секе*, кроме указательного, имеют также значение ограничения: *теке* «только этот», *секе* «только тот»: *Теке весе улипарозо, ков а моли – мартонзо* (К. Абрамов) «Только это все его добро, куда ни пойдет – с собой»; *А бабась ансяк штердиль, секеньсэ сынь эрильть* («Сурань толт») «А старуха только пряла, этим они и жили».

Указательные местоимения так же, как и собственно-личные и усилительно личные, чрезвычайно распространены в функции средств связи компонентов текста. Часто, благодаря интонации, они привносят в речь особую повышенную эмоциональность, экспрессивность: *... сон [Наста] орши паро платия, аволь сицань, кодамосо казизе мирдесь, но алкуксонь платия – питней материалонь, стазьгак эсензэ коряс. Те платиянь сон рамизе эсь ярмаксонзо ...* (В. Коломасов) «... она [Наста (Настя)] наденет хорошее платье, не ситцевое, каким одарил муж, но настоящее платье – из дорогого материала и сшитое по её фигуре. Это платье она купила на свои деньги ...»; *Таня кортнесь тонавтниця ялганзо марто, ды сынь вейсэ ладизь – энялдомс Варвара Васильевнанень, кадык класнэк усксынзе областень центрав экскурсияв. Истят экскурсият школась тейнесь эрва иестэ* (К. Абрамов) «Таня поговорила со своими одноклассниками, и они вместе решили попросить Варвару Васильевну, пусть она отвезёт их всем классом на экскурсию в областной центр. Такие экскурсии школа проводила каждый год»; *Гостя атя ... керясь кавто кувака палкат ... Неть палкатне эрывать нешкень кандтнемс* (К. Абрамов) «Старик Гостя (Константин) ... срезал две длинные палки ... Эти палки нужны улья носить». В рассматриваемых примерах указательные местоимения *те* «этот, эта, это» (в первом примере), *истят* «такие» (во втором) и *неть* «эти» (в третьем) выступают в функции определения к повторяемому имени существительному предыдущего компонента. От цепной связи, выраженной лексическим повтором, этот вид соединения предложений отличается наличием местоимения-определения, которое делает связь между компонентами более тесной. Но роль местоимения не ограничивается указанием на упомянутый ранее предмет, она значительно глубже. Если проанализировать фрагменты текста, то можно заметить, что во всех случаях первый, структурно соотносящийся, член предложения (дополнение – в первом фрагменте, обстоятельство – во втором, подлежащее – в третьем) выражен группой слов (имя существительное + зависимое слово с атрибутивным значением). Полный повтор такого члена предложения практически невозможен: он делал бы предложение громоздким, а речь монотонной и неуклюжей. Поэтому язык выработал экономный и более удобный вид связи: повторяется корневое слово сочетания, а остальные замещаются указательным местоимением (ср.: *паро платия, аволь сицань, кодамосо казизе мирдесь, но алкуксонь платия – питней материалонь, стазьгак эсензэ коряс* «хорошее платье, не ситцевое, каким одарил муж, но настоящее платье – из дорогого материала и сшитое по её фигуре» – *те платиянь* «это платье», *областень центрав экскурсияв* «на экскурсию в областной центр» – *истят экскурсият* «такие экскурсии», *кавто кувака палкат* «две длинные палки» – *неть палкатне* «эти палки»).

Разряд **определятельных** составляют местоимения *весе* «весь / вся / все», «всё», *лия* «другой (-ая, -ое)», *эрва* «каждый (-ая, -ое)», *истямо* «такой (-ая, -ое)» «такой (-ая, -ое), как тот».

Определительное местоимение **весе** «весь / вся / все», «всё» выступает обычно с обобщенно-собирательным значением: *Наста тень весе уш икелев арсизе* (В. Коломасов) «Настя все это уже заранее обдумала»; *Састь ... эрва кодат подъячейть, воеводат, боярт, стрелецт, казакт. Весень эрывать андомс ...* (К. Абрамов) «Пришли ... разные подъячие, воеводы, бояре, стрельцы, казаки. Всех надо накормить...». В значении «взятое в полном объеме» это местоимение не только не имеет четких семантических границ и распространяется на неограниченное количество субъектов, но и аккумулирует свое обобщающе-расплывчатое значение в большом количестве устойчивых выражений, «пропитывающих наше речевое обобщение» [15, с. 317]: *Эрямось весень таркава ладсесынзе* «Жизнь всех по местам расставит».

Местоимение **лия** «другой (-ая, -ое)» имеет обобщенно-выделительное значение и обозначает отличное среди себе подобных: *Л и я одирьва ветясть Алексей Михайловичень – Илья Данилович Милославскоень веженсь тейтерензэ, Мария Ильиничнаны* (А. Доронин) «Другую невесту привели к Алексею Михайловичу – младшую дочь Ильи Даниловича Милославского, Марию Ильиничну»; *Языковасто Болдинав сестэ ульнесь ансяк вейке почтовой ки: Москов – Симбирск. Л и я почтовой кить сестэ арасельть* («Сурань толт») «Из Языкова в Болдино тогда была одна почтовая дорога: Москва – Симбирск. Другой почтовой дороги тогда не было». Местоимение **истямо** «такой (-ая, -ое)» «такой (-ая, -ое), как тот» употребляется со значением «подобный тому / этому»: *Аволь истямо мирдесь Яхим, штобу сон кармаволь кольневтеме эсь козяйканзо* (В. Коломасов) «Не такой муж Яхим, чтобы стал баловать свою жену». Это местоимение может указывать также на большую степень какого-либо качества, состояния, выраженного именем прилагательным или именем существительным, к которому оно относится: *Весе чамась истямо кругловой, буто циркульсэ тештязь* (В. Коломасов) «Все лицо такое круглое, будто циркулем обведено».

Местоимения **эрва** «каждый (-ая, -ое)» подчеркивает выделенность предмета в ряду ему подобных: *Ниле лишметь Мазылькатне кирдить. Эрванть поназо цивторды ...* (А. Куторкин) «Четыре лошади держат Мазылькаевы. Шерсть каждой блестит ...».

Определительные местоимения в эрзянском языке изменяются по основному и указательному склонениям. В речи часто субстантивируются, соответственно, начинают использоваться не только как определения, но и другие члены предложения. Субстантивированные определительные местоимения используются в текстообразующей функции: *Сёрматнеде ульнесь колмо, ды весе Ванянь пельде. Лиянень, нама, кучомс а кинень* (К. Абрамов) «Писем было три, и все от Вани. Другому, конечно, послать некому» [более подробно о текстообразующей роли местоимений на материале произведений Народного писателя Мордовии К.Г. Абрамова см. в нашей работе: 15].

Разряд **вопросительно-относительных** в эрзянском языке составляют местоимения: **ки, кие** «кто», **мезе** «что», **кона** «который (-ая, -ое)», **кодамо** «какой (-ая, -ое)», **зяро** «сколько», **зняро** «столько», **зяроце** «который (-ая, -ое)». Эти местоимения совмещают две функции – вопросительную и относительную, что придает им смысловое и грамматическое многообразие. В качестве вопросительных они употребляются только в вопросительных предложениях, при этом они не указывают на предмет или признак, а лишь спрашивают о них. Конкретизация предмета или признака дается в ответе собеседника (*Тон кинь марто сыть? – Ялгам марто* (Никул Эркай) «Ты с кем пришел?» – «С товарищем») или самого говорящего (*Кодамо тесэ оймамо? Нать, ойман, зярс а карман содамо, кода аштить тевтне* (К. Абрамов) «Какой здесь покой? Разве успокоюсь, пока не буду знать, как обстоят дела»). Как относительные они выступают в

сложноподчиненных предложениях, где выполняют функцию союзных слов в придаточной предикативной части, при этом они показывают отношение этой придаточной к главной части, относят ее содержание к одному из членов главной части или ко всей части в целом: **Кие соды, зярдю сы Федя ...** (К. Абрамов) «Кто знает, когда придет Федя ...»; **Ваньканень, кона те шкас аштесь чатьмонезь, а кинень ульнесь, нать, евтамс эзь кенярдоманзо** (В. Коломасов) «Ваньке, который до сих пор молчал, некому было, видимо, рассказать про свою радость».

Местоимения **кие** «кто», **мезе** «что», **кона** «который (-ая, -ое)», **кодамо** «какой (-ая, -ое)» в основном склонении имеют форму множественного числа: **кие** «кто» – **кить** «кто», **мезе** «что» – **мезть** «что», **кона** «который (-ая, -ое)» – **конат** «которые», **кодамо** «какой (-ая, -ое)» – **кодамот / кодат** «какие». Субстантивируясь, они, за исключением **кие** «кто», употребляются с морфемой определенности, а в ряде случаев присоединяют посессивные аффиксы: **Сельме понанзо лекшедеть ашолгадсть, мезденть сельмензэ неявить раужокс** (К. Абрамов) «Ресницы [ее] от инея побелели, отчего глаза [ее] кажутся черными». Местоимение **кодамо** «какой (-ая, -ое)» может играть роль эмоционально-экспрессивной частицы: **Кодамо изнявкс сон [Миколь] тейсь те чокшне!** (К. Абрамов) «Какую победу он [Миколь (Николай)] одержал в этот вечер!».

К **неопределенным местоимениям** прежде всего относятся **кие-кие, кие-бути** «кто-то», «кто-нибудь», «кое-кто», **мезе-мезе, мезе-бути** «что-то», «что-нибудь», «кое-что», **кодамо-кодамо, кодамо-бути** «какой (-ая/-ое)-нибудь», **кона-кона, кона-бути** «который (-ая/-ое)-нибудь», **зяро-зяро, зняро-зняро, зяро-/зняро-бути** «сколько-то», «сколько-нибудь», **кой-мезе** «кое-что», **кой-кодамо** «кое-какой (-ая/-ое)». Эти местоимения лишь приблизительно указывают на предмет или его качество, свойство; сам предмет или его признак в ряду подобных остается невыясненным, неизвестным, неопределенным. Образуются они разными способами: 1) повторением вопросительно-относительных местоимений: **кие-кие** «кто-нибудь», **мезе-мезе** «что-нибудь», **кона-кона** «который (-ая/-ое)-нибудь»: **Конат-конат ялгатне, нать, аламодо оростясть, кармасть кевкстнеме, мезе теевсь мартом, мекс полавтовинь истя ды а човоргодан сынст юткс** (В. Коломасов) «Некоторые из друзей, по всей видимости, заметили, стали спрашивать, что случилось со мной, почему я так изменился и не присоединяюсь к ним»; 2) прибавлением к вопросительно-относительным местоимениям частиц **-бути, -гак/-как/-як**: **кие-бути, кияк** «кто-нибудь», **мезе-бути, мезеяк** «что-нибудь», **кодамо-бути, кодамояк** «который (-ая/-ое)-нибудь»: ... **ансяк Сарсо эрицятнень ютксто стака муемс кудагоро, кона Даньконь кедьстэ эзь займа знярояк суро или ярмакт** (А. Куторкин) «... только среди жителей Сара трудно найти хозяина, который у Данька не занимал бы хоть сколько-нибудь зерна или денег»; **Кие-бути кавксть сэтмestэ стукадсь кенкшентень** («Сурань толт») «Кто-то дважды тихонько постучал в дверь». Во множественном числе неопределенные местоимения не имеют форм косвенных падежей.

В функции **отрицательных** выступают вопросительно-относительные **местоимения** с частицами **-бути, -гак/-как/-як**, употребляемые при глаголах с отрицанием: **Кияк тенст эзь максо а ярсамс, а симемс** (К. Абрамов) «Никто им не дал ни поесть, ни попить»; **Мезеяк а неян – чопода ...** (К. Абрамов) «Ничего не вижу – темень ...»; **Мон а ёвтан кодамояк берянь вал** («Сятко») «Я не скажу никакого плохого слова».

Таким образом, местоимения в эрзянском языке, представляя собой численно небольшую группу, занимают одно из главных мест среди слов, принадлежащих к частям речи. Среди основных разрядов, выделяемых по семантике и функционально-синтаксическим свойствам, личные (собственно-личные), усилительно-личные, счетно-личные, взаимно-личные, указательные, вопросительно-относительные,

определительные, возвратно-притяжательные, неопределенные, отрицательные. Свои конкретные значения местоимения получают только в условиях связной речи, так как их основная функция – служить средством актуализации коммуникации. Вне контекста они имеют всеобъемлющее значение.

Библиография

1. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. – 6-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2009. – 472 с.
2. Агафонова Н. А., Рябов И. Н. Второстепенные местоимения и их функционирование в смешанных мордовских диалектах // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 71. – 2012. – № 32 (286). – С. 5–9. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18753538> (дата обращения: 03.02.2018).
3. Майтинская К. Е. Местоимения в мордовских и марийских языках. – М. : Наука, 1964. – 110 с.
4. Гурьянова Л. А. Употребление местоимений в функции подлежащего в эрзянском и венгерском языках // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2016. – № 2 (38). – С. 179–183. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26224183> (дата обращения: 03.02.2018).
5. Митюнина Г. А. Местоимения как средство выражения пространственных отношений в русском и эрзянском языках // Вестник Чувашского университета. – 2007. – № 3. – С. 179–182.
6. Беспалова Г. Ф. Эрзянский язык : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений ; МГУ им. Н. П. Огарева. – Саранск, 2007. – 267 с.
7. Водясова Л. П., Прокаева Е. П. Эрзянский язык [Электронный ресурс] : учеб. пособие / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2014. – 1 электр. опт. диск. Зарегистрировано в ФГУП НТЦ «Информрегистр», № госрегистрации 0321402639.
8. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология = Эрзянский язык. Морфемика, словообразование и морфология : учебник для вузов. – Саранск : Крас. Окт., 2000. – 280 с. – Мордов.-эрзя яз.
9. Эрзянь кель. Синтаксис = Эрзянский язык. Синтаксис / Н. А. Агафонова, Р. А. Алешкина, Г. Ф. Беспалова / под ред. Д. В. Цыганкина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 208 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26135561> (дата обращения: 05.02.2018).
10. Левина М. З., Гришунина В. П. Об особенностях употребления указательных местоимений в диалектах мокшанского языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – № 10 (365). – С. 120–125.
11. Водясова Л. П. Сложное синтаксическое целое в современном эрзянском языке : дис. ... д-ра филол. наук. – Йошкар-Ола, 2002. – 350 с.
12. Водясова Л. П. Способы соединения компонентов сложного синтаксического целого в современном эрзянском языке // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология: электронный научный журнал. – 2013. – № 5-2. – С. 32–38. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19072512> (дата обращения: 02.02.2018).
13. Водясова Л. П. Структурно-смысловая организация художественного текста (на материале романа К. Г. Абрамова «Степан Эрзя») // Евсевьевские чтения. Серия: Эмотивность художественного текста и способы ее репрезентации [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. с элементами науч. школы для молодых ученых «52-е Евсевьевские чтения», 2–3 июня 2016 г. / редкол.: Л. П. Водясова (отв. ред.) [и др.] ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск,

2016. – 1 электр. опт. диск (CD-R). Зарег. в ФГУП НТЦ «Информрегистр», № госрегистрации 0321604170. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29154436> (дата обращения: 04.02.2018).
14. Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамские и мордовские языки. – М. : Наука, 1975. – 348 с.
15. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В. И. Максимова. – М.: Гардарики, 2004. – 651 с.
16. Водясова Л. П. Способы реализации текстовой категории связности в прозе народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова / Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2014. – 147 с. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27626531> (дата обращения: 02.02.2018).